

Ши Вэнь. На первый взгляд — просто бледнолицый юноша с ничем не примечательной внешностью. Но те, кто понимал, знали: этот молодой слуга, неотлучно находящийся при главе павильона, внушал куда больше страха, чем сам господин. Говорили, в детстве, практикуя боевые искусства, он повредил рассудок и с тех пор не ведаёт ни человеческих чувств, ни страстей, ни заблуждений. Действует лишь по приказу господина, не признавая ни логики, ни эмоций, не ведая страха смерти — истинный убийца, для которого не существует слова «жалость».

Потому-то он и не считал нужным щадить самолюбие господина Жуаня.

Глава павильона Жуань: «...»

Жуань Линцзю довольно долго говорил сам с собой, но не получил ни малейшей реакции. Привычно захлопнув учётную книгу и взяв себя в руки, он решил, что просто упражнялся в красноречии перед стеной.

К счастью, во всём Павильоне Ушоу лишь один Ши Вэнь не считал нужным сохранять ему лицо. Остальные были предельно почтительны, являлись по первому зову и обо всех важных делах непременно докладывали.

И вот — доложили.

— Господин, среди желающих вступить в наш Павильон Ушоу снова затесались двое наёмников из Павильона Радужных Одежд.

Жуань Линцзю:

— Опять? Уже который раз?

— Господин, в этом году — уже четвёртый.

Жуань Линцзю взял со столика чашку, потер виски и с раздражением спросил:

— И в этот раз как себя выдали? Слишком красивы? Слишком усердны? Или слишком мною восхищаются?

— Господин, на этот раз их двое. Один из них вступил в схватку со старейшинами, и трое старейшин не смогли одолеть его, поэтому...

Жуань Линцзю отставил чашку, заинтересовавшись:

— Погоди. Говоришь, он один одолел троих старейшин?

Молодой глава павильона, чьё влияние ещё не окрепло, как раз нуждался в талантливых людях. Такого умельца лучше заполучить, чем казнить.

— Так точно, господин. Он действительно победил троих старейшин. Но сам истекает кровью и без сознания. Его поместили в подземелье в ожидании вашего решения.

Жуань Линцзю оживился:

— Один против троих, хм. Трое старейшин нашего Павильона Ушоу не справились с одним человеком из Павильона Радужных Одежд?

Слова эти прозвучали не от излишней самоуверенности господина Жуаня. Весь мир боевых искусств знал: Павильон Радужных Одежд никогда не славился боевой мощью. Там либо соблазняли красотой, либо побеждали хитростью.

И вот теперь трое старейшин Павильона Ушоу, известного своей силой, проиграли выходцу из Павильона Радужных Одежд. Если молва об этом разойдётся, весь мир будет покатываться со смеху.

— Господин, наёмник — не женщина, а мужчина.

Жуань Линцзю: «...? Мужчина?»

Он снова взял нефритовую чашку, отхлебнул и рассеянно подумал: «Опять чай сменили?»

Слегка нахмурившись, спросил:

— Разве Павильон Радужных Одежд не воспитывает лишь прекрасных девиц? К чему мне присылать мужчину?

Подчинённый робко взглянул на пьющего чай господина и, видя его спокойное выражение, набрался смелости сказать прямо:

— В народе ходят слухи, что вы, господин, к женскому полу равнодушны, зато питаете слабость к мужскому.

— Пфф! —

Господин Жуань выплюнул дорогой чай и, давясь кашлем, принялся отрицать:

— Вздор! Чистейший вздор!

Неужели из-за того, что три предыдущие попытки подослать красавиц провалились, Павильон Радужных Одежд, не желая уронить свою репутацию, вздумал очернить его, распуская слухи о его склонностях?

Да как они смеют!

Господин Жуань кипел от возмущения, но не терял рассудка. Таланты всё же жалко. Стиснув зубы, он продолжил допрос:

— Если это была ловушка с красавицей, зачем же он связался со старейшинами?

— Господин, кто-то из наших, увидев его спутника, возжелал его, и тот не стерпел, вступив в бой.

Жуань Линцзю: «...»

— Позже, осознав, что его личность раскрыта, он остался прикрывать отход напарника. Поэтому и пришлось одному сражаться с тремя старейшинами.

Жуань Линцзю:

— А, прикрывал отход. Как трогательно. Цх, цх, ну и глупец.

Он задумчиво посмотрел на чай в чашке и спросил небрежно:

— А тот, что домогался его спутника, где?

— Тяжело ранен. Лекари пытаются помочь, но шансов, кажется, мало.

Жуань Линцзю махнул рукой:

— Не надо пытаться. Пусть сам выбирается, как знает.

— Слушаюсь.

Жуань Линцзю без сожаления поставил чашку на стол и приказал:

— Приведите ко мне того молодца, что одолел троих старейшин.

...

Время, за которое выпивается чашка чая, — и бесчувственного наёмника втащили в зал. За ним тянулся длинный кровавый след.

Жуань Линцзю медленно приблизился.

Видно, что, сражаясь втроём и прикрывая товарища, парень тоже изрядно потрёпан.

Когда его поднесли вплотную, господин изогнутым пальцем приподнял подбородок наёмника, желая разглядеть получше.

Взгляд его прежде всего уловил едва заметную точку на белой шее пленника. Он боком взглянул на Ши Вэня, возившегося с каким-то насекомым, но промолчал. Затем перевёл взгляд выше, изучая лицо.

Если отбросить запачканные кровью волосы и щёки и смертельную бледность — лицо и впрямь было прекрасным, словно изваянным из яшмы.

Сам будучи красавцем, господин Жуань любовался им с минуту и объективно заключил:

— Лицо и впрямь соответствует слову «красавица» в «ловушке с красавицей».

Он убрал палец, задумался на мгновение, упёршись руками в бока, и сказал:

— Ладно. Мне надоело, что меня то и дело бестолково донимают. Раз им неважно — сыграю с ними.

— Что до этого красавчика... я всегда умел ценить прекрасное...

«Ценитель прекрасного» господин Жуань небрежно махнул рукой в сторону ожидавших в зале подчинённых и равнодушно отдал приказ:

— Эй, вы. Выверните ему руки, сломайте ногу. А потом...

Господин Жуань усмехнулся, и голос его стал холодным, как лёд:

— Заживо закопайте.

Услышав это, все присутствующие, включая Ши Вэня, разом повернули головы. Выражения их лиц стали крайне красноречивы: «...»

Лишь взгляд Ши Вэня был откровенно и неприкрыто презрителен.

Остальные же лишь в душе осмелились пробормотать:

«На этот раз господин перегнул палку».

«Это он называет «ценить прекрасное»??»

«Не стыдно?»

.....

...

Несчастливого этого «красавца» звали Тан Шаотан.

До самого последнего мгновения перед потерей сознания он не ведал, что пал не от численного превосходства трёх старейшин, а от насекомых гу.

Слишком сосредоточившись на противнике и защите товарища, он упустил из виду самое смертоносное умение Павильона Ушоу — использование гу.

Он даже не успел понять, кто именно его подкосил, как погрузился в беспамятство.

Он не видел, не слышал, не мог говорить — лишь сознание оставалось ясным. Он чувствовал, как его волокут, будто ведут к кому-то. Он даже ощутил, как чей-то ледяной палец грубо приподнял его подбородок, а хозяин пальца внимательно разглядывал его, словно добычу на заклятие.

Даже не видя, он мог догадаться: хозяин этого пальца, вероятно, и есть цель его миссии — глава Павильона Ушоу.

Увы, он не мог пошевелиться.

С детства его учили: для провалившегося наёмника уготованы лишь две вещи — пытки и смерть.

Выходцы из Павильона Радужных Одежд не боятся боли и не страшатся смерти.

После долгого разглядывания его снова потащили.

На этот раз он ждал недолго — ожидаемая расправа наступила.

Его руки были вывернуты, нога сломана. Затем его грубо швырнули в тесное пространство. При движении он чувствовал, как кости его ломаются от ударов, но постепенно чувства начали возвращаться.

Наконец, в предсмертном забытии он осознал, где находится и что его ждёт.

Его заживо погребли в сырой земле, и теперь он лишь ждал смерти.

Шуршание, шуршание...

Неизвестно, сколько времени он пролежал в темноте и тесноте. Возможно, это были галлюцинации, но Тан Шаотан уловил смутные звуки снаружи.

Ему почудился шорох песка, шуршание. А затем — приближающиеся удары и вибрации. Мёртвый воздух вокруг внезапно затрепетал, и он почувствовал, как крышка гроба слегка поддаётся...

Её откинули.

— Ого! —

— Как страшно! Да он живой!

Запах свежей земли и травы ворвался в ноздри Тан Шаотана, разгоняя смрад тления.

Он глубоко вдохнул, уловив лёгкий сладковатый аромат — он исходил от человека перед ним.

В слабом свете зари силуэт человека, опиравшегося на лопату и склонившегося над гробом, вырисовывался отчётливо. Незнакомец смотрел на Тан Шаотана сверху вниз.

Утренний свет выхватывал изящные черты юноши, а в его улыбающихся глазах играли блики.

Тан Шаотан неотрывно смотрел на него.

— Чёго уставился? Это не я тебя закапывал.

Тан Шаотан: «...»

— Что же не шевелишься?

<http://bllate.org/book/16258/1462434>